

НАСЛЕДНИЦА

ГЛАВА 1

— Скажи мне, ради бога, куда ты едешь, Гельвиг?

— С твоего разрешения — прямо в Х.! — прозвучал упрямый насмешливый ответ.

— Но ведь по дороге туда не было никакого пригорка! Ты не в своем уме, Гельвиг... Остановись, я хочу вылезти! Я во все не желаю выпасть из экипажа и поломать себе кости. Да остановишься ли ты наконец?

— Я опрокину экипаж?! Ну, это было бы в первый раз за всю мою жизнь, — хотел, по-видимому, сказать правивший, но раздался страшный треск, и говоривший внезапно остановился. Послышалось фыркание, стук копыт лошади, поднимавшейся на ноги, а затем она, высвободившись из построшков, умчалась как бешеная.

— Вот те и на! — проворчал первый из говоривших, поднимаясь с мокрого свежеспаханного поля. — Гельвиг, Бём, вы живы?

— Живы! — отвечал Гельвиг, но в его слабом голосе не слышалось уже ни самонадеянности, ни насмешки.

Маленький экипаж, в котором три приятеля выехали утром из своего родного городка Х. на охоту, лежал колесами вверх возле злосчастного пригорка. Топот умчавшейся лошади давно затих, и темная ночь скрыла печальные последствия самоуверенности Гельвига.

— Не оставаться же нам тут ночевать, однако! Тронемся в путь! — напомнил уже более бодрым голосом Гельвиг.

— Разумеется, — проворчал толстяк, один из потерпевших, — я не намерен ночевать в этом логовище, придумай лишь способ выбраться на дорогу... Я не двинусь отсюда, пока не будет света! Хотя я и заполучу от этой сырости ревматизм, но все же не желаю сломать себе шею в ямах и канавах этой милой местности.

— Не говори глупостей, доктор, — сказал третий собеседник. — Не можешь же ты сидеть тут, пока мы с Гельвигом доберемся до города и вышлем тебе помощь. Я уверен, что мы можем выйти по полю на проезжую дорогу. Идем...

Толстяк проворчал что-то, но согласился с приятелями. Идти было неудобно, комья земли приставали к охотничьим сапогам. То и дело они попадали в лужи, обдававшие их жидкой грязью. Наконец путники добрались до проезжей дороги и мужественно продолжили путь.

Подходя к городу, они увидели быстро приближающийся свет, и скоро Гельвиг узнал ярко освещенное фонарем лицо своего привратника Генриха.

— Это вы, господин Гельвиг? — воскликнул тот. — А барыня уже думает, что вы разбились насмерть!

— Откуда же она знает, что с нами случилось несчастье?

— Недавно к гостинице «Лев» подъехала повозка комедиантов, а за ней шла наша лошадь. Хозяин гостиницы и привел ее к нам. Барыня очень испугалась и послала меня с фонарем искать вас, а Фридерике велела заварить ромашки.

— Ромашки?.. Ну, мне кажется, стакан глинтвейна или по крайней мере кружка пива помогли бы скорее.

— Я тоже так думаю, господин Гельвиг.

— Ну, иди вперед с фонарем. Пора нам наконец по домам!

На городской площади товарищи по несчастью молча расстались, пожав друг другу руки.

Утром на всех углах улицы были расклеены красные афиши, объявлявшие о прибытии знаменитого фокусника Орловского, и молодая женщина ходила из дома в дом, предлагая билеты на представления. Женщина была очень красива, но лицо ее было бледно как мел, и когда она изредка поднимала опущенные золотистыми ресницами веки, темно-серые глаза бросали трогательно-кроткий взгляд.

Она пришла и в дом Гельвига, самый красивый на площади.

— Барыня, — сказал Генрих, отворяя дверь в комнату нижнего этажа, — пришла жена фокусника.

— Что ей нужно? — спросил строгий женский голос.

— Ее муж дает завтра представление, и она хотела бы продать билет.

— Мы истинные христиане, и у нас нет денег на такие глупости. Скажи ей, чтобы она уходила.

Парень затворил дверь и смущенно почесал затылок, ведь жена фокусника все слышала. Ее бледное лицо вспыхнуло, и тяжелый вздох вырвался из груди...

В это время выходящее в холл маленькое окошечко отворилось и мужской голос попросил один билет. В руке молодой женщины очутился талер, и прежде чем она успела поднять глаза, окошко захлопнулось и задернулось зеленой занавеской. Добродушно улыбающийся Генрих отворил входную дверь, и бедная женщина побрела дальше.

Привратник вошел в комнату своего хозяина. Это был небольшого роста старый человек с худым и бледным, но удивительно добрым лицом.

— Ах, господин Гельвиг, — сказал верный слуга, — как хорошо, что вы купили билет! На бедную женщину жалко смотреть, хоть ее муж и нечестным трудом добывает себе хлеб... Ну да ему здесь не посчастливится, помяните мое слово!

— Почему же, Генрих?

— Потому что наша лошадь пристала к их повозке, когда они въезжали в город. Это не к добру — ведь лошадь прибежала с места несчастного случая.

Не получив ответа, Генрих вышел, качая головой.

ГЛАВА 2

Зал ратуши был уже полон зрителей, а по лестнице все еще поднимались новые. Генрих тоже был в толпе и усердно работал локтями.

— Боже, если бы барыня узнала, вот была бы гроза! Барину завтра же пришлось бы идти к исповеди, — шептал он своему соседу, показывая на Гельвига, сидевшего со своим другом, доктором Бёмом, у боковой стены зала.

Программа обещала разные чудеса, а в конце ее было написано следующее:

«Шесть солдат выстрелят в госпожу Орловскую из заряженных ружей, но она одним взмахом меча рассечет в воздухе все шесть пуль».

Жители городка Х. и собрались главным образом для того, чтобы посмотреть это чудо. Все было забыто, когда на эстраде появились шестеро солдат под командой унтер-офицера — публика заволновалась, потом настала мертвая тишина.

Фокусник подошел к столу, чтобы на виду у публики проверить патроны. Он стучал молотком по каждой пуле, чтобы зрители убедились в их неподдельности, затем роздал солдатам патроны и велел заряжать ружья.

Из-за ширмы вышла его жена и стала напротив солдат. Левая рука ее была прикрыта щитом, а в правой она держала меч. Белая одежда спускалась на пол широкими складками, грудь была скрыта сияющей кирасой.

Золотистые ресницы не дрогнули, когда в мертвой тишине зала раздалась последняя команда. Послышался залп — меч со свистом рассек воздух, и половинки пуль попадали на пол.

Еще одно мгновение была видна высокая стройная фигура фокусницы, пороховой дым скрывал черты ее лица, и вдруг она покачнулась, щит и меч со звоном упали на пол,

и с криком «Боже, я ранена!» женщина упала на руки подбежавшего мужа. Он унес ее за ширму и как безумный бросился к солдатам. Им было заранее приказано, заряжая ружья, вынуть пули, раскусить их пополам и держать во рту, чтобы выплюнуть эти половинки тотчас после залпа — в этом, собственно, и состоял весь фокус. Но один из солдат, неловкий крестьянский парень, совершенно смутился при виде такого количества людей и забыл исполнить приказ: его пуля и поразила несчастную женщину.

В зале произошло смятение. Некоторые дамы упали в обморок, слышались голоса, зовущие доктора. Но доктор Бём давно уже был за ширмой у раненой. Он вышел оттуда бледный и тихо сказал Гельвигу:

— Спасенья нет. Она умирает...

Через час жена фокусника лежала на постели в гостинице «Лев». Ее вынесли из зала на диване, и Генрих помогал нести.

— Ну что, господин Гельвиг, разве я был не прав? — спросил он, проходя мимо своего барина, и две крупные слезы покатались по его щекам.

Бедная женщина тихо лежала с закрытыми глазами. Распущенные золотистые локоны спускались с постели на темный ковер. У постели стоял на коленях фокусник, и рука раненой покоилась на его голове.

— Фея спит? — еле слышно прошептала молодая женщина, с трудом открывая глаза.

— Да, — ответил муж, — дочь хозяина взяла ее к себе в комнату. Нашей дочурке там хорошо... Мета, жизнь моя!

Несчастливая подняла на мужа страдальческий взгляд.

— Яско, я умираю!

— Мета, Мета, не уходи от меня! — воскликнул он вне себя. — Ты — единственный свет на моем темном пути! Как я буду жить, когда не будет охраняющих меня глаз и сердца, полного невыразимой любви? Как я буду жить без твоего волшебного голоса, без твоей небесной улыбки? Как мне жить с сознанием, что я увлек тебя за собой и сделал несчастной? Боже, Боже!

Он тихо заплакал.

— Я хочу искупить свою вину перед тобой, Мета. Я буду честно работать для тебя в поте лица, киркой и заступом. Мы тихо и мирно поселимся в каком-нибудь глухом уголке... Мета, останься со мной, мы начнем новую жизнь!

Страдальческая улыбка мелькнула на лице умирающей.

— Яско, успокойся, будь мужествен! — прошептала она. — Ты несправедлив к самому себе... Я не была несчастна... я была так любима, и эти годы любви и счастья стоят целой жизни... Я знала, что отдаю свою руку фокуснику, и спокойно ушла с тобой из родного дома, отрекшегося от меня из-за этой любви. Если мое счастье иногда и омрачалось, то в этом виновата я сама — я не рассчитала своих сил и малодушно страдала от твоего жалкого положения... Яско, — продолжила она еще тише, — забота о Фее мучит меня...

Она схватила его руку и привлекла ее к себе.

— Яско, — продолжала она умоляющим голосом, — расстанься с Феей — отдай ее простым хорошим людям, дай ей вырасти среди спокойной, тихой семейной жизни. Обещай мне это, мой любимый!

Муж сквозь слезы поклялся в этом умирающей. Наступила ужасная ночь, долго длилась борьба жизни со смертью, но когда заря заглянула в окно, розовые лучи ее упали на прекрасную покойницу, на лице которой уже сгладились следы последних страданий.

На третий день к вечеру похоронили жену фокусника. Сострадательные сердца покрыли ее гроб цветами, и в числе многих провожавших покойницу был и Гельвиг... Когда первые комья земли упали на гроб, фокусник покачнулся, но Гельвиг, стоявший рядом, поддержал его, отвез в гостиницу и несколько часов оставался с несчастным, отказывавшимся от всякого утешения и пытавшимся даже наложить на себя руки.

ГЛАВА 3

Наступил вечер. Резкий ноябрьский ветер мел улицы, первые снежные хлопья летели на крыши, на мостовые и на свежий могильный холм, под которым была погребена жена фокусника.

Госпожа Гельвиг сидела в столовой за маленьким столиком и вязала длинный шерстяной чулок. Это была высокая широкоплечая женщина, которой было лет за сорок. Может быть, лицо ее и было красиво когда-то, но очаровательной ее едва ли можно было назвать даже в молодости. Ее лицо казалось каменным, а серые глаза смотрели холодно. Строгий головной убор и черное платье простого фасона с белыми манжетами придавали госпоже Гельвиг вид пуританки.

Временами боковая дверь отворялась и в щели появлялось морщинистое лицо кухарки.

— Нет еще, Фридерика! — монотонно говорила каждый раз госпожа Гельвиг, не поднимая головы.

Наконец в холле послышался звонок и раздался звонкий детский голосок: «Ах, какой славный звоночек!»

Госпожа Гельвиг положила вязанье в корзиночку и встала. Недоумение сменило на ее лице выражение нетерпения. Муж подошел к ней неуверенным шагом, неся на руках маленькую девочку лет четырех.

— Я принес тебе, Бригитта... — начал было он с просьбой в голосе, но замолк, встретив взгляд жены.

— Ну? — спросила та, не шевелясь.

— Я принес тебе бедную девочку...

— Чью? — сухо прервала она.

— Несчастливого фокусника, потерявшего жену таким ужасным образом... Милая Бригитта, прими девочку ласково!

— Разумеется, только на эту ночь?

— Нет... я поклялся отцу, что ребенок вырастет в моем доме.

Белое лицо госпожи Гельвиг покраснело.

— Боюсь, что у тебя тут не все в порядке, Гельвиг, — сказала она холодно, касаясь рукой своего лба. — Я стараюсь, чтобы мой дом был храмом Господним, а ты приносишь мне дочь комедианта... Это более чем глупо!

Гельвиг вздрогнул, и его всегда добродушные глаза блеснули.

— Я не пушу в мой дом это дитя греха, дитя пропащей женщины, так очевидно постигнутой карой Божией!

— Ты так думаешь, Бригитта? Так скажи, пожалуйста, за какие грехи был наказан твой брат, застреленный на охоте неосторожным стрелком?

Вся кровь отлила от лица госпожи Гельвиг. Она смолчала и удивленно посмотрела на мужа, проявившего вдруг такую энергию.

Между тем девчурка, которую Гельвиг поставил на пол, сняла свой розовый капор, прикрывавший прелестную головку, покрытую каштановыми локонами, и принялась бродить по комнате, разглядывая новую для нее обстановку. На ней было светло-голубое шерстяное платье, украшенное вышивкой — может быть, последней работой успокоившихся рук.

Но именно это нарядное платье, свободно падающие на лобик и шейку локоны и грациозные движения ребенка возмутили суровую госпожу Гельвиг.

— Я бы и часу не потерпела около себя этой юлы, — сказала она вдруг. — Это маленькое существо с растрепанными волосами совсем не подходит к нашему строгому домашнему строю. Взять ее — значило бы отворить окно и двери легкомыслию и распушенности! Ты, конечно, позаботишься, Гельвиг, чтобы девочка была доставлена куда следует...

Она позвала кухарку и приказала ей:

— Одень ребенка, Фридерика!

— Отправляйся сейчас же в кухню! — сердито приказал кухарке Гельвиг.

Фридерика ушла в смущении.

— Ты доводишь меня до крайности своей черствостью и жестокостью, Бригитта! — воскликнул раздраженный

муж. — Благодарю себя и свои предрассудки, если я наговорю тебе теперь таких вещей, каких в ином случае никогда бы не сказал! Кому принадлежит дом, который ты хочешь обратить в храм Господень? Мне... Ты вошла в этот дом бедной сиротой, но потом это забыла, и чем больше ты старалась обратить дом в храм и чем больше говорила о Боге, о христианской любви и смирении, тем более гордой и жестокосердной ты становилась... Этот дом — мой дом, и за хлеб, который мы едим, плачу я. И вот я решительно объявляю, что ребенок останется тут... И если твое сердце слишком сухо и черство для того, чтобы почувствовать материнскую любовь к бедной сиротке, то я требую от моей жены, чтобы она, по крайней мере, позаботилась о ребенке как женщина... Если ты не желаешь потерять авторитет у прислуги, то теперь же сделай нужные распоряжения к приему ребенка, иначе эти приказания отдам я сам!

Ни одного слова не произнесли в ответ побелевшие губы госпожи Гельвиг. Другая женщина в такую минуту полного бессилия употребила бы последнее средство — слезы, но эти холодные глаза не знали слез. Она молча взяла связку ключей и вышла.

С глубоким вздохом взял Гельвиг малютку за руку и стал ходить с ней по комнате. Он вынес страшную борьбу, чтобы обеспечить родной дом этому покинутому созданию, он смертельно обидел свою жену и знал, что она никогда не простит ему горьких истин, которые он ей высказал.